

Сочиненія

Георгія Схоларія надгробные стихи святейшему архієпископу Ефесскому Марку

Здесь погребено тело блаженнаго Марка, когда душа его отошла въ селенія Божіи. Добродушіе, сладкоречіе, глубокой умъ, великой даръ слова, чистыя помышленія, сердце кипящее любовію къ Богу, полное отчужденіе отъ міра, жизнь созерцательная, готовность мученика, правильность догматовъ, несовратимая мужественная твердость на пути добродетели, — вотъ главныя качества блаженнаго отца. Пастырь верный, Іерей истинно великой, Епископъ Ефесянь, светило всего края, огонь пополяющій ереси, путеводный светъ душъ благочестивыхъ, благодушно отвращающій отъ тщетныхъ догматовъ, — онъ проявилъ себя въ настоящее время, какъ другой Максимъ Исповедникъ, устами другаго Григорія. При виде сей гробницы величайшаго изъ мужей своего отечества, помяни его по обряду отцовъ нашихъ!

Мудрейшаго учителя Георгія Схоларія, въ последствіи знаменитаго Патріарха Константинопольскаго Геннадія, слово при погребеніи блаженнейшаго отца и учителя Марка Ефесскаго, въ міре Евгеника

1. Увы! — о предстоящіе слушатели! все наши благія надежды отходятъ нынѣ! — Нетъ техъ несчастій, которыхъ мы не могли бы ожидать теперь, если Всевышній не простретъ намъ Своей десницы и не проявитъ новаго источника благъ. Но нельзя допускать отчаянія и въ самыхъ большихъ злополучіяхъ. Невероятнымъ кажется иногда самое событіе! Хотя мы могли всего ожидать, — но не того, что съ нами теперь совершилось! Хотя постоянно претерпеваемыя нами бедствія не многимъ легче, чемъ самыя бедствія осады, — но, со всею темъ, постигшее насъ теперь сильнее всехъ другихъ — и, по истине, верхъ злополучія! Горшаго мы претерпеть не можемъ, — но мы должны выстрадать! Мы должны утратить все отрады!

2. Онъ отошелъ, увы! изъ среды нашей, этотъ мужъ, котораго мы все вместе не можемъ заменить! Добродетели, которыми онъ былъ украшенъ, не могутъ быть исчисляемы; онъ соединялъ въ себе все добродетели въ высшей степени. Ему не было въ наше время образца; — таковыя мужи являются только по особеннымъ судьбамъ Божиимъ. Кого мы можемъ достойно применить къ нему? Кто можетъ среди насъ сравниться съ нимъ или даже подражать ему?

3. Нетъ ничего полезнее мудрости какъ для народовъ, такъ и для городовъ, — и едва ли не онъ одинъ среди насъ былъ ея настоящимъ представителемъ! Хотя и нетъ у насъ недостатка въ мужахъ мудрыхъ, — но онъ былъ выше ихъ всехъ, — и въ этомъ можно убедиться, сравнивъ труды древнихъ писателей съ его трудами, которые, передъ судомъ правды, ни въ чемъ имъ не уступятъ. Надобно быть весьма легкомысленну или совсемъ незнакому съ Еллинскими музами, чтобы сравнивать его красноречіе съ нынешнимъ, — и не видеть въ его слове — слово самага Сократа или самага Платона. Что же касается до его благочестія и чистоты душевной, то вы, которые проявляете добродетель своими делами, — вы только можете ихъ достойно восхвалить; я же могу только благоговеть передъ нимъ, ибо недостатокъ въ красноречіи препятствуетъ мне быть ценителемъ такого мужа.

4. Но я могу сказать о праведности усопшаго отца нашего то, что, будучи еще юношею и прежде, чемъ онъ умертвилъ плоть свою во Христе, онъ былъ уже праведнее пустынножительствующихъ отшельниковъ; что, отбросивъ отъ себя все мірское для Христа и принявъ иго послушанія Богу, онъ никогда не уклонился отъ него, никогда не увлекался суетою міра сего, не прельщался временною славою его — и, до самой смерти, сохранилъ пламенную любовь ко Христу. Живя въ столице, — онъ былъ чуждъ ея жизни, ибо ничто его не связывало съ нею. Глубоко-чтимый всеми, онъ не только не искалъ почестей, но и не желалъ ихъ. Онъ принялъ высокій санъ духовный единственно для защиты Церкви своимъ словомъ; — ей нужна была вся сила его слова, чтобы удержать ее отъ совращенія, въ которое уже влекли ее нововводители. Не по мірскимъ соображеніямъ принялъ онъ этотъ санъ; — это доказали последствія. Онъ былъ правосуднее, чемъ самое правосудіе того требовало, ибо онъ не бралъ на себя изрекать судъ и избегалъ шумныхъ судебныхъ преній. Своєю кротостью и своимъ человеколюбіемъ онъ превзошелъ всехъ, отличавшихся сими добродетелями. Кто былъ доступнее его для всехъ, обращавшихся къ нему? Кто добровольнее его отдавалъ себя на все полезное? Кто убедительнее его высказывалъ все, что должно было сказать? — и кто более его готовъ былъ все

выслушивать? Кто былъ готовее его на помощь ближняго? Кто былъ беззлобнее его противу техъ, которымъ случилось оскорбить его? Кто былъ более его чуждъ всякой зависти? Но онъ же самый, когда онъ находилъ причины заподозреть кого либо въ ухищреніяхъ противу православнаго верованія, — онъ отважно вступалъ въ борьбу съ красноречіемъ противниковъ и не давалъ торжествовать силе ложнаго ученія.

5. И вотъ почему его обвиняли въ непомерной раздражительности! — и вотъ отъ чего его возненавидели некоторые изъ приближенныхъ къ нему! Не вникая въ его побужденія и движимые человеческими страстями, — они уязвляли этаго великаго мужа какъ своимъ молчаніемъ, такъ и своими словами. О! сколько я выстрадалъ отъ безумной речи одного изъ нихъ, дерзнувшаго во время Соборнаго пренія назвать его, — учителя истины, — оболъстителемъ, отвращающимъ отъ истины! Еслибъ новоучители и могли отклонить отъ себя нареканіе въ заблужденіи предлогомъ, что они ведутъ къ той-же истине, но инымъ путемъ, — то и въ такомъ случае могли ли они обвинять въ обмане того, кто ведетъ путемъ уже проложеннымъ, которымъ следовали все искавшіе спасенія. Не тотъ ли по истине враждолюбецъ и врагъ мира, кто не обращается на одинъ путь съ нами, хотя и признаетъ его более вернымъ и знаетъ, что, следуя съ нами однимъ путемъ, онъ получаетъ и правильное направленіе, и успокоеніе какъ для себя, такъ и для другихъ? Еслиже, убедясь, что мы заблуждаемся, онъ вместе съ темъ говоритъ намъ, что мы не находимся въ заблужденіи, для того только, чтобы мы, оболъстясь хвалою, приняли его верованіе и, переставъ защищать непогрешительность нашего пути, последовали новому пути, который доселе преисполненъ для насъ всякаго рода опасеніями, — то не есть ли это поступокъ оболъстителя, ищущаго ввести въ заблужденіе другихъ — и вместе съ темъ заблуждающагося? — ибо онъ же самый, въ начале, призналъ при всемъ Соборе непогрешительнымъ то самое мненіе, которому онъ после того противоречить!

6. Но этотъ великій отецъ нашъ кротко выслушивалъ злобныя речи, ибо онъ не искалъ превозносить себя и считалъ достаточною обороною противу клеветы свою борьбу за Истину. Онъ помнилъ, что самъ Господь нашъ былъ оклеветанъ. Такъ переносилъ онъ поруганія! И никто изъ насъ, — о стыдъ! — не предсталъ ему на помощь! И я самъ, увы! — молчалъ! Но я не оберегалъ своей личности, а принужденъ былъ, соображаться съ обстоятельствами того времени, — ибо мне не безызвѣстно было, какая борьба намъ предстояла, еслибъ я, разоблочась, открыто выступилъ на поприще! Я не хотель также выставять нашу ученость, — въ которой здравомыслящіе не сомневались, — и ставить себя въ неверное положеніе, темъ более, что отъ меня требовалась большая осторожность. За темъ, я сообщалъ блаженному отцу эти соображенія, онъ извинялъ меня, соглашался, — и готовился вновь подвизаться въ предстражей ему борьбе. Не сомневаясь въ моихъ чувствахъ, онъ надеялся победить всехъ противниковъ своихъ одною силою истины. Онъ даже полагалъ, что я ему значительно содействовалъ въ этомъ подвиге, — какъ бы Физей Ираклу, — но, конечно, одно только великодушіе блаженнаго отца могло приписывать мне такое важное содействіе!

7. Таковыми прелестями святой души и святой речи онъ воспобудилъ всю горячую мою любовь къ нему. Но мы не приобщились бы достаточно познанію истины, еслибъ онъ не посеялъ въ насъ первыя ея семена своимъ ученіемъ и своими молитвами, въ которыхъ онъ часто испрашивалъ у Бога нашего оплодотворенія, — и онъ, более чемъ кто либо, пробуждалъ въ насъ рвеніе къ истине. Такимъ образомъ, онъ твердо привязалъ насъ къ себе, привлеченныхъ къ нему признательностію; — искренно въ насъ уверился, и доверился намъ; темъ временемъ более благоприятныя обстоятельства не связывали его действий. Что еслибъ ныне онъ былъ живъ и еслибъ онъ принялъ участіе въ преніяхъ, которыя возникаютъ вокругъ насъ, подобно какъ это было третьяго дня? — въ этихъ распряхъ, где более хотять выказать ученость, чемъ объяснить истину!... Не священные догматы предложены намъ были для объясненія, но одни лишь доводы для поддержанія самолюбиваго красноречія, — обыкновенные предвестники наступающей брани. Еслибъ кто дерзнулъ здѣсь укорить въ оболъщеніи этаго святаго мужа и его последователей, то отошелъ бы смертельно уязвленнымъ и увидѣлъ бы, какъ сильно разить данное намъ Богомъ оружіе духовное, — и на него бы самаго обратилось хульное порицаніе превратнаго пониманія, намъ приписаннаго!

8. Но увы! ты опочилъ ныне, блаженнейшій отецъ! Уста твои сомкнулись! Съ тобою замерли какъ твои, такъ и наши дальнейшія действія, — и теперь, можетъ быть, не одна словесная борьба предстоитъ намъ, но и борьба телесная. Те, которые удержаны были при жизни твоей личнымъ уваженіемъ къ тебе, ныне — восколеблятся; однимъ словомъ, сколько бурь возникнетъ въ умахъ и сердцахъ, увлеченныхъ собственными побужденіями! Конечно, некоторые предпочтутъ, неся твои тяготы, идти неуклоннымъ путемъ, — но другіе, увлеченные временными благами, совратятся! Въ отношеніи же къ намъ, те, которые, казалось, такъ горячо любили насъ, скоро, можетъ быть, окажутся нашими злейшими врагами, хотя мы ихъ ничемъ не оскорбляемъ, но лишь не хотимъ противустать

истинному верованію нашихъ предковъ. Но мы не можемъ не скорбеть глубоко, что, утвержденные въ этомъ истинномъ верованіи, мы хранили молчаніе тогда, когда должно было говорить, — и говорили то, чего не следовало говорить. Но мы испрашиваетъ милосердаго прощенія Божіяго, которое врачуетъ обуреваемыхъ слабостями, свойственными человечеству, и которымъ по временамъ подвергались некоторые изъ знаменитыхъ учителей.

9. Такъ, дела Церкви и нераздельной ея спутницы святой Истины, какъ при тебе, такъ и по смерти твоей, всегда охраняемы самимъ Богомъ; — но мы не услышимъ более твоей речи въ нашихъ совещаніяхъ; не будемъ уже иметь въ тебе советника во всехъ делахъ нашихъ; — ободрителя въ нашихъ правыхъ дѣйствіяхъ; — не будемъ теперь торжественно поражать техъ злыхъ людей, которые изъ зависти клеветаютъ нашія верованія, — теперь, когда могущество твоего вліянія исчезло! Когда оно было съ нами, — мы видели въ немъ даръ Божій, — мы пренебрегали безумство противниковъ нашего исповѣданія. Лишь ты одинъ, хранившій въ себѣ образецъ всего высокаго, могъ правильно ценить совершенство искусства, красоту речи, силу мыслей, правоту догматовъ, — и признавать ихъ безъ зависти въ другихъ. Никто не чувствовалъ более меня твоего превосходства въ такихъ качествахъ, и, по этому, могу ли я похвалиться въ томъ, что весьма естественно, — что я более всехъ любилъ тебя, чтить и мучительно изнемогалъ, видя тебя болящимъ; страдалъ вместе съ тобою; страшился предстоящаго бедствія, — и что теперь, когда оно постигло насъ, — я недоумеваю въ моему отчаяніи, что со мною будетъ теперь!

10. Теперь, — мы смолкнемъ! Мы сделаемся какъ бы тяжкимъ бременемъ для земли, удрученные скорбію твоей кончины, — мы все приверженные тебе чрезъ твою къ намъ дружбу, чрезъ твои добродетели и находящіеся въ безпрестанномъ опасеніи испытать вѣдущую злобу и поношенія. То, что было оплодотворено въ душахъ нашихъ, изсякнетъ въ самое то время, когда оно должно было принести плоды и когда мы вполне уразумели!

11. Увы! я беседую съ блаженнымъ отцемъ, какъ бы онъ еще былъ живъ и находился среди насъ; — но нѣтъ уже здѣсь его заботъ ни о мнѣ, ни о васъ! Свергнувъ съ себя тяжесть брэннаго тела, которое онъ такъ изнурялъ для божественной мудрости и которое чрезъ то процвететъ новою вожделенною жизнію, въ возмездіе за его боренія ради добродетели, — онъ теперь духъ безплотный, пресыщается блаженствомъ небеснымъ, которое онъ давно предчувствовалъ и тщился заслужить, живя во Христе жизнію сокровенною! Онъ беседуетъ нынѣ со святыми учителями Веры, достойный во всехъ отношеніяхъ быть къ нимъ соприсчисленъ! Уподобляясь имъ, онъ отрекся отъ всехъ прелестей жизни, съ которыми онъ даже не былъ знакомъ; предался Богу, и, для Бога, отдался въ послушаніе добродетельнейшему изъ нашихъ Церковноучителей того времени. Онъ ознаменовалъ себя какъ іерей; — онъ просіялъ будучи архипастыремъ; онъ безстрашно ратовалъ за Церковь и проявилъ себя тверже адаманта въ борьбѣ противу измененій въ Вере. Онъ чтить преданія предковъ, бывъ справедливо убежденъ, что они никогда не заводили тщетныхъ споровъ съ новоучителями, — и никогда не отвращались отъ истины, какъ бессмысленные дети. Онъ постоянно раделъ о своей пастве и притомъ въ самое трудное время, — и даже въ свободныя минуты не вкушалъ сладкаго отдохновенія, борясь противу разныхъ искушеній злыхъ духовъ, но еще чаще противу козней человеческихъ, перенося все терпеливо и следуя примеру святыхъ отцевъ. Онъ претерпелъ бы большія страданія, еслибъ не простерло ему руку помощи сердолобіе Монарха, который, более другихъ, дивился добродетели и мудрости этаго святаго мужа.

12. Прекратились ли его заботы о насъ теперь, когда онъ сподобился улучшить блаженную жизнь, предавъ себя и насъ правосуднымъ судьбамъ Божиимъ? Но если же и тамъ праведники, следуя внутреннему побужденію, пекутся о насъ и о дѣйствіяхъ нашихъ, — то, конечно, блаженный отецъ, пріобщенный къ ихъ лику, призираетъ насъ.

13. Мы лишились его, увy! противу всякаго чаянія! Не осталось среди насъ наследника его доблестей и мы долго не увидимъ соединенія не только такихъ высокихъ добродетелей, но и меньшихъ, каковыя онъ вмещалъ въ себѣ. Подобно какъ прошедшій возрастъ нашъ не можетъ къ намъ возвратиться, такимъ же образомъ ни мы, ни потомки наши, не можемъ надеяться найти въ другомъ человеке такой души, такой небесный даръ слова!

14. Училища закрылись, соревнованіе къ красноречію угасло, добронравіе сделалось редкимъ явленіемъ, полезный трудъ не уваженъ, добродетель не имеетъ предпочтенія въ глазахъ властей, — она редко встречается, и только испытанія и случай проявляютъ ее по временамъ. Онъ же вмещалъ въ душе своей, какъ наследіе отцевъ, — и добродетель и мудрость въ высшей степени; разработывалъ ихъ какъ свое достояніе, и по этому нельзя удивляться могуществу его вліянія.

15. Но скорбь наша усугублена еще темъ, что онъ похищенъ изъ нашихъ объятій прежде, чѣмъ онъ состарелся въ пріотретенныхъ имъ добродетеляхъ, прежде, чѣмъ мы могли достаточно насладиться имъ, — во всей силе этой преходящей жизни! Ни порокъ, ни ухищренія не въ силахъ уже были

поколебать его ума, ни совратить его души, такъ сильно она была пропитана и закалена добродетелью! — Еслибъ и сводъ небесный обрушился и тогда бы праведность этого мужа не поколебалась, — сила ея не изнемогла бы, душа его не подвиглась бы и мысль его не ослабла бы ни при какихъ трудныхъ испытаніяхъ!

16. Но единственное светило наше закатилось; светъ нашъ угасъ, соль наша обуялась, источникъ нашъ изсякъ! — какъ растенія, увядшія и изсохшія, не способныя ни цвести, ни приносить плодовъ, — мы обречены отныне жить въ тени и мраке и нести налегшее на насъ наказаніе! Такъ, оскуденіе въ мужахъ добродетельныхъ есть самое сильное наказаніе Божіе, посылаемое темъ городамъ, которые отступаютъ отъ Него; — оно превышаетъ тяжести осады, превышаетъ голода; — однимъ словомъ, оно превышаетъ всехъ подобныхъ несчастій, ибо таковыя могутъ быть отъ нихъ отстранены, если они управляются мужами прозорливыми. О скорбь неутешная! Язва неизлечимая! Источникъ слезъ неизсякаемый! Сколько сетованій, эта горькая вѣсть, — которая скоро обтечетъ всю землю, — сколько общихъ сетованій пробудитъ она въ сердцахъ всехъ техъ, которыхъ питали слова и ученіе святаго мужа! — хотя онъ не имелъ учениковъ, но все, исповедующіе истину словомъ и деломъ, глубоко чтили ея защитника и питали къ нему то же благоговеніе и ту же признательность, какъ и къ святымъ отцамъ, подвизавшимся за оную. Какое глубокое потрясеніе восчувствуютъ все страны, на которыя светитъ Солнце правды — не только что нашъ городъ, который первый вкусилъ плоды отнятыхъ у него нынѣ благъ — и потому сильнее поколеблется. Увы! мы еще не испытывали подобнаго несчастія! Мы охотно бы искупили его ценою всехъ нашихъ достояній, нашихъ кровныхъ, нашихъ сладчайшихъ связей, еслибъ только эти жертвы могли отвратить такое злополучіе! Я не говорю о техъ, которые при некоторомъ внутреннемъ сочувствіи показываютъ себя безчувственными, но которыхъ скорбь обнаружится въ другое время, хотя она проявляется уже и теперь, но они, — считая себя мудрее всехъ, хотятъ показать равнодушіе, ставя какъ бы ни во что не только доблесть и мудрость почившаго, но и весь рядъ нашихъ знаменитыхъ учителей, предковъ нашихъ, изъ которыхъ онъ былъ последнимъ! Надлежитъ соболезновать о нихъ и молиться, да пошлетъ намъ свыше прежнее единокровіе. Даруй намъ, Боже, это древнее единеніе во славу Своего Святаго Имени и для блага нашего!

17. Мы могли бы, о слушатели, впасть нынѣ въ то отчаяніе, которое овладевало варварами въ ихъ семейныхъ бедствіяхъ; но мы не въ правѣ безконечно роптать и вопить. Доблести почившаго отца научаютъ насъ благоговейно переносить злополучія. Я не соблюлъ обычая надгробныхъ речей, — я скромно говорилъ объ усопшемъ, хотя бы надлежало не столько плачемъ, сколько хвалою почтить память его, а я выразилъ одно только чувство моей глубокой скорби!... Другимъ предстоитъ еще воздать достойную хвалу блаженному мужу. Пойдемъ! надгробный обрядъ кончается... Да будутъ намъ предметомъ подражанія добродетели усопшаго и да сохранимъ въ памяти нашей примеры имъ намъ преподанные!

Геннадій (Георгій Схоларій) патр. Константинопольскій († 1460 г) Ответъ на предсмертное завещаніе свт. Марка Ефесскаго

См. Предсмертное завещаніе Георгію Схоларію святителя Марка Ефесскаго.

Владыко мой святой! благодарю прежде всего твое святѣйшество за похвалы, которыми ты удостоилъ меня, ибо, желая меня утешить, ты приписалъ мнѣ достоинства, которыхъ я не имею, которыя не принадлежатъ мнѣ, но высокому совершенству, добродетели и мудрости твоего святѣйшества. — Видя ихъ издавна вмещенныхъ въ тебе и удивляясь имъ, я не преставалъ донныне воздавать твоему святѣйшеству чествованіе, принадлежащее отцу, учителю, наставнику моего детства; я всегда руководился твоими мненіями, правотою твоихъ догматовъ и речей — и ты самъ это признаешь. И даже, когда я действовалъ не по твоимъ мыслямъ и даже отклонился отъ твоихъ правилъ, — ты не счелъ меня недостойнымъ находиться при твоёмъ святѣйшестве, оставаться твоимъ сыномъ, твоимъ ученикомъ, въ чемъ и свидетельствуюсь самимъ тобою. Ты знаешь, что я всегда обращался къ тебе съ неограниченною доверенностію, раскрывая тебе глубины моего сердца, — и это былъ залогъ моей верности, даже въ самое то время, когда я не принималъ наравне съ другими явнаго участія въ подвижничестве твоего святѣйшества. Но я не останавливаюсь более на этомъ времени. Кто лучше твоего святѣйшества знаетъ все эти обстоятельства? Неоднократно, съ полною доверенностію, я чистосердечно передавалъ тебе мои сокровеннѣйшія мысли по сему предмету,

испрашивая, твоего прощенья — и ты не отказалъ мнѣ въ ономъ! Но нынѣ, когда, съ помощію Божіею, я отбросилъ съ презрѣніемъ все происходившее со мною и соделался искреннейшимъ и явнымъ защитникомъ истины, — ты видишь меня вполне готовымъ на проповѣдь чистаго Православія отцевъ нашихъ, согласно цели твоего святѣйшества. Я говорю такимъ образомъ не оттого, чтобы я думалъ, что твое святѣйшество находится близкимъ къ кончинѣ и готовымъ оставить этотъ міръ; мы надеемся, что Господь поможетъ тебѣ побороть твою болѣзнь и оставитъ тебя среди насъ — довершить твой подвигъ. Еслиже, по Божіему предопредѣленію, Ему единому известному, ты долженъ отойти отселе и переселиться въ жилище успокоенія, тобою самимъ уготованное, то я торжественно обещаю передъ лицомъ Божіимъ, передъ святыми Его ангелами, невидимо насъ окружающими, и передъ благочестивыми мужами, здѣсь предстоящими, что, при техъ же обстоятельствахъ, я потщусь заменить твое лицо, твое слово, пламенно любя и защищая то, за что ты подвизался, — безуклонно, твердо ратоборствуя за Православіе, не щадя жизни, до последней капли крови, до моей смерти, хотя бы подвигъ превышалъ мои силы! Но я уповаю, что ты же, святѣйшій отецъ, удовлетвори мои дѣянія, ты, испытанный въ подвигахъ, ты проявишь намъ свою помощь даже и въ той жизни, живя блаженнымъ созерцаніемъ Божіимъ.

Печатается по изданію: Не изданныя сочиненія Марка Ефесскаго [и] Георгія Схоларія. / Перевелъ съ рукописей Парижской Императорской бібліотеки Авраамъ Норовъ. СПб.: [Въ Типографіи Департамента Уделовъ.], 1860. — С. 49–51.

Оглавление

- [Георгія Схоларія надгробные стихи святѣйшему архіепископу Ефесскому Марку](#)
- [Мудрейшаго учителя Георгія Схоларія, въ последствіи знаменитаго Патріарха Константинопольскаго Геннадія, слово при погребеніи блаженнейшаго отца и учителя Марка Ефесскаго, въ міре Евгеника](#)
- [Геннадій \(Георгій Схоларій\) патр. Константинопольскій \(† 1460 г\) Ответъ на предсмертное завещаніе свт. Марка Ефесскаго](#)

Взято из Флибусты, flibusta.net